

Помню, когда мы только-только поступили в университет, на вручении студенческих билетов наш декан Альфия Исламовна Смирнова обратилась к нам так: «Господа первокурсники! Вас приветствует студент двадцать восьмого курса Альфия Смирнова». Для нас, «абитуры зеленой», ее слова стали в какой-то мере шоком...

Зато потом мы уже не боялись заходить в деканат, смело останавливали декана в коридоре, чтобы выяснить какой-то важный, на наш взгляд, вопрос. С этих воспоминаний и началась наша беседа с доктором филологических наук, профессором, заведующей кафедрой русской литературы, бывшим деканом филфака ВолГУ Альфией Смирновой.

АЛЬФИЯ СМИРНОВА, ЗАВЕДУЮЩАЯ КАФЕДРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВолГУ:

«СЕЙЧАС МЫ УЧИМСЯ МЫСЛИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО»

— Альфия Исламовна, ваше приветствие на вручении «студенческих» произвело на нас большое впечатление. Но почему именно так, тепло, по-товарищески?..

— Мне тогда важно было подчеркнуть, что после получения диплома университет процесс обучения не прекращается. И коль уж студенты вступили на этот путь, то пожизненно.

Я не сама это придумала, так приветствовал на первой лекции студентов первого курса видный ученый, профессор бывшей Петровской земледельческой и лесной академии Алексей Федорович Фортунатов. Думается, это приветствие в духе отечественных традиций классического университета. Кроме того, оно означало, что мы отныне принадлежим к одному сообществу.

— А кто был деканом до вас?

— Как-то повелось, что деканами были преподаватели иностранных языков. До меня деканом был Юрий Глебович Титлин, преподаватель немецкого языка. (Ведь тогда у нас был объединенный факультет под общим названием — филологический). И именно он, уходя, рекомендовал меня, хотя я не очень хотела. Это предложение ректора для меня стало неожиданностью. Я согласилась, во-первых, потому, что была после отпуска, слегка расслабилась тогда и не смогла твердо отказаться, а во-вторых, потому, что мне хотелось переменить ту ситуацию, которая сложилась тогда на факультете. Мне хотелось, чтобы в центре работы деканата были студенты, которые, как мне казалось, недополучают внимания со стороны деканата.

Что-то удалось изменить, что-то из начинаний меняется и сегодня.

— Ну а как тогда объяснить, что вы ушли из деканата на должность заведующего кафедрой?

— Это совпало с масштабной реорганизацией всего университета. Наш факультет разделился на два, была создана новая кафедра, кафедра литературы, «отпочковавшаяся» от кафедры журналистики и литературы. Я не смогла решительно отказаться от заведования и из-за своего мягкого характера не могу, чтобы меня упрасивали.

Вообще, работа декана очень сложная, тяжелая. Когда я оказалась на этом месте, решила, что долго это продолжаться не будет. Но заведовать кафедрой я тоже не хотела. Побывав руководителем, я решила, что буду лучше работать рядовым преподавателем. Но Олег Васильевич Иншаков, наш ректор, меня убедил.

— Студенты пользуются мягкостью вашего характера?

— Они чувствуют, что я достаточно мягкий

человек, но, когда дело доходит до зачета или экзамена, студенты понимают, что все-таки надо учить, что при всей своей мягкости я не поступлюсь какими-то принципами. Наверное, поэтому ушла из деканата.

— Вернемся к разговору о деканах. Сейчас все еще существует разделение на мужские и женские профессии. Декан относится к какой?

— Хороший вопрос... Мне кажется, что, в первую очередь, для него очень важны человеческие качества. Он должен быть личностью, масштабным мыслителем.

Работа декана — это ведь не только студенты. Это еще кафедры, преподаватели, аспиранты... Поэтому какие-то узкопрофессиональные интересы декана как человека должны отходить на второй план. Ведь он живет интересами факультета. Так что я не думаю, что признак пола имеет определяющее значение. Хотя считается, что женщина-декан лучше, так как будет относиться к студентам по-матерински, что ли. По уставу университета деканом выбирается самый уважаемый, пользующийся авторитетом человек на факультете. Он должен быть профессионалом, конечно, и ученым. Для меня лично в человеке важное значение имеет его порядочность. Что важнее в декане — профессионализм или человеческие качества, не знаю, но думаю, что они должны взаимодополнять друг друга. Этому я и старалась следовать в своей работе.

— Альфия Исламовна, вы профессор, доктор наук... С чего все началось?

— Я со школы хотела быть филологом, хотя подумывала и о журналистике. Я очень любила литературу, хотела заниматься ее изучением, поэтому пришла на филологический факультет.

Родом я из Троицка Челябинской области. Тогда в Челябинске не было классического университета, в котором я хотела учиться, поэтому поехала поступать в Уфу. Там старый университет со своими научными традициями и очень сильными преподавателями. Я благодарна преподавателю по современному русскому языку доктору Нине Степановне Дмитриевой, она была нашим куратором четыре года. Она нам читала этот курс два с половиной года, многие из-за нее были отчислены, но именно она многим нас научила, сделала грамотными людьми. Благодарна профессору Вере Сергеевне Синенко, моему научному руководителю, у которого я писала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Так что на филфак я пришла, можно сказать, по призванию. После окончания его Вера Сергеевна пригласила меня в аспирантуру. Потом я защитила кандидатскую диссертацию, а спустя время и докторскую на тему «Русская натурфилософская проза 1960—1980 годов: философия, мифология, поэтика».

— Вы учились на Урале. А как оказались в Волгограде?

— Дело в том, что здесь родился мой муж. Когда в Волгограде открылся университет, Виталия Борисовича пригласили сюда на работу. В октябре 1980-го в Институте русской литературы (Пушкинском доме) РАН он защитил докторскую диссертацию, я же заканчивала аспирантуру. И в конце 1980-го я сюда приехала. Так что трудовая жизнь началась у меня в университете: 29 декабря я закончила аспирантуру, и 29 декабря меня приняли на работу в Волгоградский государственный университет.

— Вы работали в восьмидесятых, девятых... Сейчас на дворе уже новый век. Скажите,

есть какая-нибудь разница между студентами восьмидесятого года и двухтысячного?

— Все меняется, в том числе и студенты. Вообще, я студентов люблю. Какое бы настроение у тебя ни было, но заходишь в аудиторию и сразу забываешь о неприятностях, получаешь радость именно от общения со студентами.

Я не скажу, что они кардинально изменились. Но какие-то перемены произошли. Студенты стали более раскрепощенные, выглядят иначе. Может быть, те, первые, были более трудолюбивыми, ведь филология требует постоянного труда — чтения литературы. Сейчас меня, например,

удивляет, что некоторые тексты могут быть к экзамену не прочитаны. Тогда этого было меньше. Но все равно к студентам я отношусь с уважением и думаю, что к нам приходят лучшие. Кстати, и у студентов чему-то мы учимся.

Меня очень радуют талантливые студенты. Поэтому я больше люблю работу в спецсеминаре. И когда ты видишь рост, какие-то успехи своих студентов, это не может не радовать. Радуют успехи не только студентов, но и аспирантов.

— Кстати, у вас была мечта написать две книги о писателях XX века. Она сбылась?

— Вообще, мне надо написать две книги. Одну об Астафьеве, другую — о Киме. Почему надо? Потому что я надеюсь написать «свою» книгу, дать свое видение их творчества. Но если об Астафьеве какие-то книги есть, то о Киме их нет, и он, на мой взгляд, недооцененный автор.

Он пишет очень сложно, в чем-то опережая свое время, предсказывает какие-то вещи. Пока эти книги только в планах.

Сейчас же я занимаюсь другим. Вот передо мной лежит кафедральное учебное пособие «Литература русского зарубежья: первая волна эмиграции (1920—1940 годы)». Это совместный труд преподавателей нашей кафедры. Литература русского зарубежья вошла в литературоведческий оборот сравнительно недавно. Но уже в университетской программе появился такой курс, и мы делаем такое пособие. Да и потом, другая работа тоже отнимает время. Но от своих планов я не отказалась. Даже мой научный руководитель, Вера Сергеевна Синенко, говорит, что я просто обязана написать книгу об Астафьеве. Так что это мой долг и перед ней.

— Кстати, об Астафьеве. Недавно мне в руки попал журнал «Отчий край» за прошлый год. И там были письма Астафьева к вам.

— Нет, мне было адресовано только одно письмо. Получилось так, что когда написала кандидатскую, я отправила ему свои статьи и опубликованный автореферат. И он мне ответил. Я была этому поражена. Он написал от руки очень большое письмо. Сейчас оно не воспринимается как смелое, хотя в те времена он говорил о таких вещах, о которых предпочитали молчать.

В то время оно просто не могло быть опубликовано.

— А вообще, кто ваш любимый автор?

— Мне как-то недавно задали такой вопрос. Но, поскольку я профессионально занимаюсь изучением литературы, мне сложно на него ответить. Трудно выделить любимого. Но если говорить о современной литературе, это будет Астафьев. Потому что он самородок. Особенно люблю его «Последний поклон». Это, может быть, самое талантливое его произведение. А еще люблю за то, что он — честный писатель.

— Как вы считаете, война между «физиками» и «лириками» продолжается?

— Как ни странно, но иногда «физики» пони-

мают настоящую литературу лучше, глубже, чем «лирики». У «физиков» и «лириков» больше точек схождения. Мне кажется, конфликта нет, на смену ему пришло взаимообогащение. Помню, в университете мы устраивали обсуждение произведений современной литературы. В середине восьмидесятых мы обсуждали роман Чингиза Айтматова «Плаха». В обсуждении принимал участие Владимир Михайлович Миклюков, доктор математических наук. И вы знаете, он высказал такие интересные суждения, взглянул на это произведение со своих позиций.

Так же в девяностых мы обсуждали «Пирамиду» Леонида Леонова. Были приглашены и физики, и философы, и математики, и религиоведы... Обсуждение получилось очень интересным. У них ведь свой взгляд на вещи, который нам может быть недоступен.

А вообще, я думаю, что филология сейчас переживает нелегкие времена, но, тем не менее, это одна из основных и традиционных специальностей классического университета. Потому что она связана с культурой, духовностью.

Я считаю, что в нынешнем веке без филологии никак не обойтись. Огорчает только то, что по рекомендации Министерства образования мы вынуждены пересматривать учебные планы, потому что снижается количество часов, отведенных на предметы, сокращаются аудиторские занятия. Это имело бы смысл внедрять, если бы студенты имели все условия для самостоятельной работы, в том числе и фундаментальную научную библиотеку с достаточным количеством мест в читальном зале, в компьютерных классах. Я считаю, что система российского классического образования со сложившимися традициями оправдала себя. Ведь российское образование по-прежнему ценится в мире.

— Как вы объясните то засилье легкого чтения, которое в изобилии представлено на прилавках?

— Сейчас всем правят рыночные отношения. Поэтому филологическое образование имеет именно сегодня важное значение. Важно иметь эстетический вкус и руководствоваться им. Жаль, конечно, что массовый читатель ориентируется на книжные развалы, и спросом пользуется другая литература. Но тут, наверное, насильственными методами ситуацию не изменишь. Ведь речь идет о состоянии культуры в целом в нашей стране. Пока культура не станет приоритетным направлением в развитии страны, такая ситуация будет продолжаться. Но, с другой стороны, читатель сам должен выбирать и духовно развиваться. Просто хочется, чтобы он делал это в соответствии со сформировавшимся эстетическим вкусом.

— Может быть, такие книги выбирают потому, что они не заставляют думать?

— Может быть и поэтому. Если же говорить о традициях русской литературы, то ей свойственно своего рода учительство, поэтому для духовного развития человека художественная литература имеет очень важное значение. За рубежом необычайный интерес к творчеству Достоевского, Чехова, Пушкина, и это неумудрено. И именно литература обратила внимание на какие-то «болевые точки» в общественном развитии. Если говорить о серьезном, то одной из проблем России в XX веке являлось то, что человек отучился мыслить самостоятельно. Одним из первых эту проблему поднял Василий Белов в «Привычном деле» в 1966 году. В повести как раз и идет речь о том, что человек привык жить по «указке» сверху. В этой книге есть «Сказка о пошехонцах», в которой говорится о том, что получается, когда человек живет не своим умом. А получается все наоборот, шиворот-навыворот.

Это серьезная и трагическая проблема нашей жизни в советское время. И только сейчас, в конце XX — начале XXI века мы учимся думать. Дай Бог, чтобы этот процесс продолжался.